

КОМСОМОЛЦ ПУШАКИ
г. Краснодар

24 ДЕК 1982

Мудрость легкомыслия

С ЭТИМ поэтом я, к стыду своему, познакомилась сравнительно поздно. То есть до поры до времени знала только, что есть такой поэт фронтового поколения — Давид Самойлов, да еще знала стихи, ставшие хрестоматийными: «Сороковые, роковые, свинцовые, пороховые...».

Когда на телеэкраны вышел многосерийный фильм «Ольга Сергеевна» с музыкой Таривердиева, меня внезапно поразили слова одной из песен:

«...И там, в пернатой памяти
моей,
Все сказки начинаются с
«однажды»,
И в этом однократность
бытия
И однократность утolenья
жажды,
Но в памяти моей такая
скрыта мощь,
Что возвращает образы
и множит...»

В титрах прочитала: слова Давида Самойлова. Тогда-то я

и «открыла» для себя поэзию Самойлова, с этого времени и число начало настоящего знакомства с этим удивительным, мудрым и добрым человеком.

Судьба Давида Самойлова была судьбой его поколения. Война застала его студентом литинститута. Пришли иные темы, неизбежные для поэта-солдата, пришли и остались на всю жизнь.

«Кто знал войну,
тот знает цену крови
И знает цену листьям
в каждой кроне.
А листья — мы с тобой».

...50-е—60-е годы были годами невиданного расцвета интереса к поэзии. Поэзия стала явлением всенародным, масштабным. Поэты того времени чувствовали себя глашатаями, глосом эпохи.

Давид Самойлов был одним из немногих, кто не примкнул к этому шумному, звонкому потоку. Он шел своим путем.

«Дорожил он этой
теплой тенью,
И она им тоже дорожила,
И в него, как в доброе
растение,
Мудрость легкомыслия

вложила», — скажет о нем много лет спустя один из самых заметных «эстрадников» тех лет поэт Евгений Евтушенко.

«Мудрость легкомыслия». Точнее сказать о поэзии Самойлова, наверно, невозможно. Если только понять, что «легкомыслие» в евтушенковской формуле — почти неологизм, слово, обретшее первоначальный смысл. Это не поверхностность, не несерьезность — это способность мыслить легко, ненапряжно и в то же время волнующе глубоко. Мысль и слово у Самойлова неразъемны и естественны, как дыхание. «Нет ничего дороже, чем фраза, так облегчающая мысль, как будто это одно и то же», — говорит он сам. В этом своеобразие и, пожалуй, самое удивительное свой-

ство поэтики Самойлова: легкий, почти воздушный слог — поэт как будто не делает никаких усилий над собственной речью, чтобы придать ей поэтическую стройность.

Но легкость осталась бы легкостью, не поднимаясь до уровня откровения, когда бы не драгоценное ее сочетание с истинной глубиной и мудростью. Мера мудрости у Самойлова — доброта. «Суть назначения моего проста, и к этому мне нечего добавить: во имя зла не разжимать уста...».

Мудрость и доброта Самойлова еще и в том, что он не склонен к трагическому миро-созерцанию. Ход быстротекущего времени он умеет воспринимать спокойно, без надрыва, с легкой улыбкой.

Почему новый сборник назван «Залив»? Какой особый смысл вложил автор в это название?

«Я сделал свой выбор.
Я выбрал залив,

Тревоги и беды от нас
отдали,
А воды и небо приблизил.
Я сделал свой выбор
и вызов».

Значит, «залив» все-таки не случаен. Он избран поэтом как средоточие неба и вод, «отражающих все в себе».

Я начала с покаяния в том, что поздно познакомилась с поэзией Давида Самойлова. Но, с другой стороны, мне кажется, что произошло это как раз вовремя. Раньше было бы, наверное, рано. В детстве просто не хватило бы духовного опыта, чтобы постичь и внутренне принять эту поэзию. А Самойлова надо постигать. И постижение это — не в расшифровке мудреных словосочетаний и диковинных тропов, а в обретении спокойного и пристального самойловского взгляда: ввысь, вширь, вглубь.

Л. СИРОТА,
врач.

Тимашевский район.